

АНДРЕЙ
КУЦ

**ЧУДОВИЩЕ
ВНУТРИ
МЕНЯ**

Андрей Куц

Чудовище внутри меня

«Издательские решения»

Куц А.

Чудовище внутри меня / А. Куц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900195-5

Умер неестественной смертью мой школьный товарищ. Как прокурор я должен был проверить выводы, к которым пришло следствие. Я вернулся в город своего детства и столкнулся с его непростой жизнью — с величием и стыдом, страхами и мечтами. Я многое вспомнил и много узнал нового о тех страшных событиях, которые случились десятилетия назад в нашем городе и закончились только теперь со смертью моего одноклассника. Виновные обязательно будут наказаны, но не мною... меня сломали.

ISBN 978-5-44-900195-5

© Куц А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Глава седьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чудовище внутри меня

Андрей Куц

© Андрей Куц, 2017

ISBN 978-5-4490-0195-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Как причудливо сплетаются нити жизни. Витиеватость их линий удивляет непредсказуемостью, а узор – неповторимостью. Но если сконцентрироваться на сути, то увидишь всё один и тот же материал, всё те же отрезки, слагающие общий путь.

В конце одной долгой зимы ко мне на стол попало совсем пустое, решённое дело. Да даже не дело, а дельце. Я быстро спихнул бы его в архив, но моё внимание привлекло одно обстоятельство: карусель вертелась в городе, где прошли мои ранние годы, – а я очень давно в нём не был, не был дома. Я не посмел упустить случая, так удачно позволявшего мне за казённый счёт совершить путешествие по местам безвозвратно ушедшей беспечности – посетить малую родину. Я намеревался задержаться там не менее чем на неделю.

Но поманили меня не только родные места. В деле фигурировали с детства знакомые имена – имена моих школьных товарищей. Один из них, увы, уже был мёртв, а другой ходил в господах-владельцах собственного предприятия, и на жизнь, судя по всему, он не жаловался. Вот у него-то, и поныне здравствующего, я и надумал остановиться, чтобы подивиться невероятному размаху его бизнеса, что явствовало из лежащих на моём столе отчётов и рапортов, и тому чуду, что обещалось в подшитом к делу рекламном проспекте, на коем и строилось основное завлечение потребителя-клиента. Да-с, течёт время, меняется жизнь. А ведь были, помнится, совсем иные деньки... И порой так хочется в них вернуться – вернуться домой, в детство... в такое, каким всё ещё его помнишь.

Почему миру суждено меняться?

Пускай двигалось бы только время, а всё вокруг оставалось бы прежним.

В деле имелось несколько дырочек, которые либо были допущены по небрежности, по разгильдяйству, либо из-за спешки, в которой оно стряпалось. Впрочем, на это можно было легко прикрыть глаза. Но! В то же время, при желании, за подобное можно было ухватиться, правда, для этого всегда нужно очень большое желание или нужна необычайная скука, доставшая тебя до печёнок. В общем, как я уже сказал, пустяковое дельце. Ему было суждено сгинуть в архивах, но оно попало на мой стол.

Взявшись за дело, я могу самостоятельно принимать решения по ценности, важности и количеству проводимых мероприятий: нередко бывает, что приходится наведаться на место события, чтобы пошнырять, потыкаться, поскрести по сусекам лишних пару-тройку раз... хотя, в основном, стремишься уладить всё одним махом – и с плеч долой, как говорится, из сердца вон. И завершаешь работу уже в собственном кабинете, сидя перед любимым кактусом, разбухшим от жизненных соков, в привычной обстановке – так сподручнее, спокойнее. Основываясь на этом праве, вооружившись тем, что в нашем отделе давно не было никаких осложнений и ЧП, к тому же из текущего ничего важного и срочного надо мной не довлело, я отправился к начальству, – и скоро выяснил, что никто не возражает против моей небольшой командировки.

Приехал я в родной город (вернулся) в изумрудно-лучезарном мае. День пятницы только приближался к своей середине.

Передо мной промелькнул ряд ветхих избушек, практически незнакомых мне с детской поры, и сразу же – площадь перед городской управой, а тута, в даль по длинной прямой улице – домишки, домишки и несколько новых высоток. Но машина катилась вперёд, и у меня не было времени рассматривать старое и новое, знакомое и чужое, поэтому радости от возвращения я не испытал, но внутри что-то неприятно сжалось.

Я, конечно, мог неторопливо проехать по городу и всё рассмотреть, но мне хотелось, чтобы при встречи с ним у меня в груди было усиленно бьющееся, а то вдруг затихающее сердце, – чистое, ничем не омрачённое восприятия окружающего мира. Но этому мешали три

часа, которые я провёл за рулём, и глубоко въевшаяся в мозг привычка к ежедневной работе. Я не был в отпуске почти три года – я забыл, что значит отдыхать. Мне требовался перерыв. Прокуратура подождёт. Следственные дела никуда не денутся. И город, столько лет стоявший без меня, останется на месте. Мир должен был вернуться на привычное место вместе со мной.

Не увидев толком города, я оказался перед нужным зданием. Оно было всё там же. Да и куда ему деться? Но оно меня удивило.

Мало что осталось от былой разрухи. Здание действительно жило. Оно – функционировало. Но оно по-прежнему было лишено каких-либо архитектурных излишеств: сложенное из красного кирпича прямоугольное двухэтажное строение без каких-либо надстроек, четырёхскатная крыша, а трёхстворчатые рамы – огромны, в два метра шириной, а в высоту – не менее двух с половиной.

Я не видел пожарной лестницы, – о ней я узнал позже. Она уродовала здание, потому и была вполне удачно вынесена на скрытую от глаз дальнюю боковую стену. Меры пожарной безопасности неумолимы – это они потребовали наличия столь неуместного сооружения. Так же я не увидел небольшую часовенку, расположенную позади здания.

Вывеска у съезда с главной городской дороги во двор, утонувший в зелени, гласила:

«Колодезь „СТУДЁНЫЕ КЛЮЧИ“ Добро пожаловать! У нас вы обретёте вторую молодость – радость жизни! Сдаются комнаты. Бассейны. Парилки. Ресторан (традиционная русская кухня), бар. Зайдите выпить чашку чая».

Очень уютно и защищённо почувствовал я себя, проехав через простые, но высокие железные ворота, выкрашенные в неприметный коричневый цвет, гостеприимно распахнутые настежь, – я сразу же провалился в зелень, нависшую со всех сторон.

«Наверное, даже зимой здесь присутствует атмосфера укрытости от внешнего мира», – подумалось мне тогда.

Я позавидовал вкусу давнего школьного товарища, к которому я приехал. Конечно, я ехал не к нему. Но, если в его заведении можно обзавестись временным жильём за вполне умеренную плату, было бы грешно не воспользоваться обстоятельствами. И это было тем паче приятно, что от этого места было рукой подать до городской управы, суда, полиции и морга. Тогда я ещё не знал, что все нужные мне люди – постоянные клиенты этого заведения.

Перед отправкой в путь я набрал номер «Студёных ключей» и узнал, что хозяин находится в городе и при необходимости, конечно же, с ним можно поговорить.

«По интересующим вас вопросам», – сообщил по телефону приветливый голос девушки.

Я рад.

Я остановил машину на парковке перед главным входом. Ни одной машины не было видно. Осмотревшись, я обнаружил за полосой густого кустарника значительное крытое пространство – вот там машин хватало.

«Что ж, пропишусь, устроюсь и поставлю туда свою», – решил я.

И только тут, повернувшись к главному фасаду здания, встав перед ним во весь рост, я понял, что было главным в восприятии этого места. От него веяло стариной и простотой: нетронутый цивилизацией аскетически обустроенный уголок, вобравший в себя эстетически обыгранные моменты заброшенности и разрушения – умышленно оставленные или умело созданные штрихи ветхости.

Здание – это прямоугольник, в длину – метров шестьдесят, а то и больше, в ширину – метров двадцать. Четыре простые, голые да гладкие, стены, как уже упоминалось, выложены из красного кирпича – нигде никаких выступов и изъёмов, даже не видно крыльца. Два этажа. Высота потолков не менее четырёх метров. Четырёхскатная железная крыша. Огромные окна. Да часовенка, аккуратно посередине длины здания, но с задней стороны. Всё приведено в надлежащий вид: кирпич оставлен прежний, но он обработан специальным раствором, дабы предотвратить дальнейшее крошение и защитить от мокрых стен, в окна вставлены рамы, судя по всему,

деревянные, или это хорошая имитация, выкрашены они в яркий белый цвет, крыша покрыта железом и облита тёмно-зелёной краской, на часовенке стоит крест, а под её крышей – свободно, и там висит колокол, двери у неё двустворчатые, кованые железом, зелёные и распахнутые в обе стороны по стенам – входи всяк желающий, в глубине – мерцание свеч, – но этих мелких подробностей я пока не видел. Входом часовенка обращена к зданию. Между ними – пятиметровая дорожка из всё того же старого красного кирпича. Такая же дорожка опоясывала всё здание.

Я взял с переднего пассажирского сидения портфель с документами и направился ко входу.

Я встал перед главным входом – передо мной единственная маленькая ступенька и большие, в крупную деревянную решётку стеклянные двери, а за ними – ещё одни двери, точно такие же. Видно насквозь, через всю залу – задние двери небольшие, но тоже стеклянные, если через них пройти, то по дорожке попадёшь в часовню. За часовней – сильно заросший, на первый взгляд неухоженный, запущенный парк. Но это впечатление обманчивое – в парке нет ничего случайного и неопрятного. Всё в нём продумано, всё сделано нарочно, для усугубления создаваемого настроения. Посреди залы – какое-то громоздкое сооружение. Оно высокое и сияет – по нему, трепыхаясь в нём, лучится блеск!

Загадочная задумка выглядела слишком богато, роскошно, и потому у меня возникло недоумение, и захотелось поскорее войти, чтобы посмотреть.

Холл просторен! Сумрак и прохладная влажность обступили меня, вошедшего с тёплого майского дня. Первым делом бросилась в глаза скульптура в центре залы – это стеклянный цилиндр наполненный водой. Его высота метра два. На нём купол в виде развёрстой луковицы, перевёрнутой да придавленной так, что чешуйки у неё назад вывернулись. На куполе, по обе стороны от вошедшего, по два пухлых ангелочка. Они сидят, смотрят друг на друга с радостным смехом и изливают из кувшинов в большие ковши, что помещены в их ножках, тонкую струйку хрустальной водицы. От ковшей спиралью вниз сбегает стеклянные трубки с металлическими вставками – по дюжине в каждой скульптурной группе. В метре от пола они соединяются с металлической каймой, опоясавшей цилиндр. Кайма изображает несколько ярусов волн в кипучем синем море или в буйном безбрежном океане. Восемь рыбок, равномерно распределённых по кругу, «плавают» в этих беспокойных водах, а из их ртов изливается всё та же кристально чистая водица, падая в небольшой бассейн, в центре которого и возвышается всё это удивительное сооружение. Дно бассейна засыпано крупным бело-серым песком. Из его стенок исходит направленными лучами чистый белый свет: он играет на совершенно определённых участках сооружения. Стеклянный цилиндр растёт из дна бассейна, и видно, как внутри бьют ключи – колодезь, студёные ключи, ключевая водица! От бассейна тянутся два небольших канала, дно которых также заполнено песком. Через них переброшено по мостку – два, по обе стороны и на некотором удалении от фонтана. Каналы уходят куда-то в соседние помещения, за стены. Весь фонтанный ансамбль исполнен из стекла и серебра. Возможно, серебро не всюду, возможно, отдельные части лишь имеют таковое напыление или попросту являются имитацией под серебро. Всё журчит и играет светом. А воздух – свежий-свежий. И откуда-то доносится гул голосов.

Над залом правильным квадратом висят четыре золотых вентилятора, держась на распорках по центру вентиляционных шахт. Они вяло, размеренно загребают воздух объёмными лопастями. Они – всего лишь украшение. Всю работу по очистке воздуха выполняют четыре чёрные дыры – вентиляционные шахты, уходящие к далёким кондиционерам.

Я не двигался, я ждал, когда мной овладеет привычка.

Вдоль стен, выложенным всё из того же старого красного кирпича, в полумраке стоят столики, укрытые скатертями оливкового цвета, и тёмно-коричневые полукруглые диваны. В центре каждого стола – настольная лампа с розовой лампочкой и с бесцветным и гладким абажу-

ром из дымчатого стекла, и такие же бесцветные стеклянные кувшин с водой и две пухлые двухсотграммовые чашечки. Над ними по стенам – тусклые белые люминесцентные лампы. Пол выложен чёрно-белыми квадратами керамической плитки. Справа, сразу при входе – коричневая стойка. За ней – служащий. Метрдотель? Портье? Бармен? За его спиной – многочисленные ряды бутылок.

– Мы рады видеть Вас! Здравствуйте! – слегка поклонившись, сказал он – мужчина лет тридцати пяти с ухоженной гладкой головой. К кармашку его белой рубашки крепилось имя. «Артём», – прочёл я. – Желаете отобедать или номер?

– Номер, на десять дней, на одного, изыск не обязателен, – сказал я.

– Восемьсот рублей – сутки. Предоплата пятьдесят процентов. Есть дорожка, но сейчас забронирован. Сможете переехать, если пожелаете, когда освободится или снимется бронь. Постель меняем раз в три дня или «по требованию», но тогда – с доплатой. Питание, сауна, бассейн и прочее – всё оплачивается отдельно, со скидкой для проживающих.

– Я в курсе. Если можно, я хотел бы попасть в номер и отдохнуть. А потом уже – разберёмся.

– Очень хорошо. Завсегда, пожалуйста. Будьте добры, какой-нибудь документ, удостоверяющий Вашу личность.

Я с готовностью протянул паспорт и извлёк из бумажника нужную сумму: 4000 рублей.

Он привычно всё принял – занялся оформлением.

После недолгой процедуры Артём дал мне расписаться в книге регистрации и, нажав на какую-то кнопку, с тихой улыбкой возвратил мне паспорт. Через пятнадцать секунд, спеша через правый мосток, появилась такая же вежливо-сдержанная, немного серьёзная, сосредоточенная на внимании к клиенту девушка. Она несколько семенила – мелко перебирала ножками, едва выступавшими из-под длинной, прямой и довольно узкой оливкового цвета юбки. Подойдя, она взяла ключ, который дал Артём, на миг закативший глаза, что, верно, означало: наверх, клиент желает комнату, будет нашим самым дорогим гостем, постояльцем, вижу я такого брата сразу, глаз намётан, будь спок.

Девушка скромно соединила на животе мягонькие маленькие кисти рук и пригласила меня следовать за ней лёгким наклоном пригожей головки. Таким вот образом кокетничая, играя неопытную, наивную пока ещё девочку, она засеменила к лестнице, ведущей в верхние комнаты.

Погружённая в полумрак коричневая деревянная лестница, расположенная рядом со стойкой бармена-метрдотеля, быстро вывела нас на второй этаж. По правую руку я увидел кабинет директора, по левую – общий кабинет для бухгалтера и администратора. Я поспешил за провожатой.

Длинный коридор был в ширину не менее двух метров и с черноватым деревянным полом. Пройдя по нему напрямиком к светлому пятну высокого окна боковой стены здания, я остановился возле девушки, перед дверью №15, последней – пространство за ней должно было стать моей обителью на ближайшие десять дней.

Глава вторая

«Нельзя обрекать человека на поступки, которые ему заведомо не под силу. Как бы он не хотел обратного, он не сможет их исполнить», – любил говаривать незабвенный Павел Иванович Добытов, читавший у нас лекции по технике допроса подозреваемого. Будучи уже в преклонных годах, а потому часто спотыкаясь обо всё и наталкиваясь на всё, что бы ему ни подвернулось при его рассеянном и неуверенном передвижении по аудитории, он, тем не менее, сохранял ясность ума, но не твёрдость, увы, памяти. Мы порой называли его между собой «дроздом» за неконтролируемую привычку временами делать головой быстрые движения, – в такие моменты длинный острый нос на его сухом лице смотрелся особенно забавно.

Я не пытался обрекать себя на мучения, выполняя непосильные задачи.

Я понимал, что, если во взятом мною деле имеют место неточности или недоработки, а то и присутствует сокрытие улик, как бы я не стремился к справедливости, к честности, мне не перекидать тонны вязкой глины, дабы в этом тихом провинциальном городке со своим укладом жизни, со своими сложившимися и затвердевшими понятиями, порядками, где все друг друга знают, извлечь под солнышко хилый росток неведомого доселе растения – правды. Если им таковая не требуется – не будет её! Или же, добываясь её, я поседею прежде отпущенных мне на то лет. Нет. Борьба с ветряными мельницами я не собирался. Но для галочек на официальных бумагах, подтверждающих состоявшуюся проверку или проведённое мероприятие в рамках дополнительного расследования, мне всё-таки было не уклониться от вылазок в «большой свет» местных привилегированных служащих во главе с градоначальником – мне требовались подтверждения того, что выделенные на мою командировку государственные деньги потрачены не напрасно.

Я знал по опыту, что от подобной вылазки может открыться и получиться всякое. Порой стоит легонько потянуть за ниточку – и вот выскочил чёртик из табакерки! Мне надо было избежать подобного. Как-то обойти неприятности. А особенно – не ввязываться в домыслы и пересуды, которые обязательно происходят в самом начале пути. Уже потом, после проверок и перепроверок, после получения информации из различных источников, они, эти пересуды, как правило, обретают доказательную силу, – но это после долгого, очень долгого пути. Я не обнаруживал в себе расположенности к подобной возне. Да и чувствовал я, что в этом деле не может быть чего-то серьёзного. Как я уже говорил, дельце пустое!

Я лежал в постели и соображал.

«Да, непонятно, что предшествовало смерти. Да, тело нашли у стены этого здания, на улице. И... вроде бы всё! Напился пьяным, замёрз, околел. Но, как установили эксперты, умерший от переохлаждения перед кончиной почему-то пил не алкоголь, а залил в себя не один и не два литра ключевой воды. И вот это – интересно и важно. Выпил столь много, что ему стало дурно, и он не смог идти. Если служащие „Ключей“ на самом деле невиновны, то уж не знать о случившемся они не могут. Да и не верится, что умерший – сам! – влил в себя невероятное количество воды, которая именно из источника „Ключей“. Сам влил и этого никто не заметил? Думается, что ему всё же кто-то помог».

В этом стоило разобраться.

«Это был чей-то спланированный садизм. Ей-ей! Каким иным словом обозвать подобное? Садизм. Не иначе. И чтобы повернуть его в кустах, на улице – это представляется мало вероятным, верится в это как-то с трудом. А это значит, что всё произошло внутри здания. И персонал об этом промолчал. Но это понятно. Их заставили. Хотели избежать отрицательной ауры вокруг „Студёных ключей“ – место коммерческое. Подобные ассоциации не нужны людям, делающим успешный бренд. Местная знать – постоянная клиентура. Кто же провернул *такое* с несчастным, зашепчет народная молва? Неужели кто-то из нас, простых смертных?»

Нет, конечно. Они! А так... ну да, труп есть, он найден рядом с „Ключами“, ну и что?.. Всякое бывает, всё-таки „Ключи“ – это место для весёлого времяпрепровождения. Чтобы люди пили, ели, веселились. От этого может произойти всё, что угодно, пускай не рано, так поздно. От подобного никто не ограждён. Ну, кто, скажите, виноват в том, что в „Ключи“ забрёл безумец? А вот спланированный садизм в самом здании – это дело иное. Никто не захочет отдыхать там, где за доброжелательной вывеской маячит беспредел. Спать в комнатах, где, – а вдруг! – всё случилось. И может произойти с тобой! Ведь виновники не найдены. А что, если это дело рук хозяина или его подчинённых? А что, если они были в сговоре, и это шайка? Попасть в такую клоаку и спокойно лежать в кровати, спать ночью? Нет уж, увольте от таких перспектив... Конечно, можно привлечь к ответственности людей за неоказание своевременной помощи. Можно поискать виновных. Хотя они, вероятнее всего, лишь подумались с несчастным... не желали они его смерти... И это всё, что можно сделать. Если же в процессе расследования откроются какие-либо иные факты, и станет возможным вести речь о намеренном введении следствия в заблуждение, тогда... А что тогда? Всё это уже наверняка решено на местном уровне задолго до моего приезда. Всё уже давно подчищено и зашпаклёвано. Кому-то вклеили выговор, а кому-то всего лишь порицание. Здесь людям жить. Здесь их территория... Не надо разбрасываться яркими словами. Во всём этом дельце нет ничего злого. Одно хулиганство, со слабо выраженным садизмом, который очень походит на весёлую проделку... да, не слишком дальновидных граждан, но – на проделку. Я, конечно, могу пойти и погрозить пальчиком. Могу посмотреть строго и с осуждением. Могу. Да только, надо думать, они и без того уже, если не напуганы, то обеспокоены моим появлением. И этого более чем достаточно. Ну, для общей картины посмотрю, конечно, строго, задам нужные вопросы, соберу пару документов, получу пару подписей. Составлю заключение... да и сдам дело в архив».

«Решено! Постараюсь сполна отжаться удовольствием от пребывания в родном городе, порадоваться возвращению домой. Я здесь вырос. Лишь после школы, уйдя в армию, не вернулся, а поступил в юридический в Москве. В начале наезжал – оставались родители, друзья. Потом пристроил родителей поближе к себе. И вот уже пятнадцать лет я не обонял и не созерцал родные всё, поди ж, места!.. Это тебе не каменные джунгли. Это простор полей, тишина лесов, прохлада рек, травы по пояс, стрекот кузнеца, а в вышине парит ястреб; поднимешь глаза, чтобы глянуть на птицу, – солнце обжигает, так и жарит; пойдёшь, а неприкрытую лысеющую макушку – печёт, раскаляет докрасна. И никаких тебе пылевых да угарных завес – чистота, свежесть!» – так, отдыхая с дороги в номере, я рассуждал в тот первый день.

В конце концов я уснул: вошёл в комнату, принял душ, прилёг на кровать, порассуждал и задремал.

Сон. Глубокий. Спокойный сон.

Меня не тревожили, и я проспал несколько часов.

Если бы я, пробудясь, сразу же открыл глаза, а не лежал, вяло думая о предстоящих обязательствах и не очень шагах, которые необходимо и не очень обходимо сделать, тогда я, отвернувшись от окна, перевалившись с правого бока, который давно отлежал, и всё равно ленился пошевелиться, увидел бы я богатое подношение, поджидающее меня на столике у противоположной стены – возле двух скромных жёстких кресел. Помимо этого увидел бы я в тени угла, сидящего в одном из кресел, непрошеного гостя.

С незапамятных времён известно, что человек предполагает, а Бог располагает, отчего все наши выкладки превращаются в смехотворный фарс.

Меня ждал не просто гость, а...

– У нас хорошо спится, – сказал гость. – Воздух чистый, кругом зелено, мало народа, зданий, машин и прочей суеты большого города. С возвращением домой, Борис Глебович Кураев. Мы уж и не чаяли увидеть вас. Но, если вы не против, давайте не будем злоупотреблять офи-

циозом, давайте сразу выясним главное. Я – Павел Константинович Обозько, держатель этого заведения и ваш давний школьный товарищ. Помните такого?

Передо мной сидел не в меру упитанный, коротко стриженный, холёный господин в тёмно-серой рубашке с коротким рукавом. Его красную шею оттеняла крупная белая бабочка. Он был в шортах чистого лимонного цвета, на ногах – пляжные шлёпанцы, едко красные. Загорелые руки и ноги – в обильном тёмном волосе. Он так и притягивал к себе взгляд диссонансом. Всё в нём криком кричало о непримиримых разностях. В нежных пухлых пальцах он беспрестанно вертел цветок. Тёмно-красный. Сочный бутон выписывал неуклюжие круги. Роза. Откуда? Для чего?

«Любитель Роз! Как был барчуком, так им и остался. Только теперь сам барин», – фыркнул я про себя, а в слух, приподнявшись на постели, сказал:

– Я помню тебя. Как же, как же!.. Правда, встретил бы на улице – не узнал.

– А вот я узнал бы тебя сразу. Изменился, конечно, но очень даже узнаваем. Всё тот же длинный нос, те же рыжеватые волосы, влажные глаза. – Он с ленивой, сладкой улыбкой посмотрел на розу, гоготнул, вскинувшись при этом телом – кресло под ним охнуло. – Но в них уже нет былой игривости – потяжелел взгляд, потух.

– Что-то ты как-то это... помягче бы, что ли. Мне это не кажется учтивым. – Я был в майке и в трусах, но накрыт одеялом. Если бы не одеяло, я послал бы его к чёрту!

– Ладно... не обижайся. Посмотри на меня. Я – не лучше. Годы не красят. Разум – в печали... даже несмотря на то, что, вроде как, мне грех жаловаться на жизнь – сам видишь. – Он повёл рукой, охватывая пространство, в коем всё было его собственностью. Включая и самое пространство. – Ну, да что там... Давай-ка присаживайся за стол – отметим встречу.

Он поставил розу в один из пустых стаканов, налил в него воды из графина и закопошился за столом, готовя маленький фуршет.

– Вот, когда ты говорил, что не узнал бы меня на улице, – продолжил он, – сознайся, ведь врал? Врал же, как есть врал! Знаю, зачем приехал, всё знаю. Ведь к тому делу приложена моя фотка. Так что ты обо мне не мог не знать, да и не узнать не мог, получается.

– Твоя правда. Так и есть. Что можно добавить? Остаётся лишь удивиться оперативности. До вас быстро доходят новости.

– Да не, ты не прав! Совсем и ни чуточки не прав. Ни вот на столько! – Он постарался дотянуться большим пальцем до пухлого мизинца, чтобы показать у того крайнюю фалангу. Не получилось. Он продолжил: – Всё очень просто. У меня здесь и вся местная знать, и чиновники с белодомовцами – все питаются да водичкой обливаются, здоровье поправляют, а то и номерком воспользуются... сам понимаешь. Так что, ты напрасно. Им же доложили, ты же знаешь, о том, что ты приедешь. Ну и проболтались они.

– Ясно, – буркнул я, натягивая рубашку.

Мне претило, что он тайком проник в комнату, в которой я считал себя хозяином. Тем самым он указал на то, что я сильно заблуждаюсь, что в «Ключах» он – Царь, это его владения. Я – не его гость, я – его вассал.

«Что же это?.. Он со мной может сделать всё, что захочет, так, что ли? Это намёк?.. Ну, это вы, братцы, бросьте! Не посмеете вы переть на меня вот так вот в наглую да ещё сразу, с размаху-то, с разбегу».

К тому же раздражало меня и то, что он сидел в комнате, а может, не только сидел, в то время, когда я спал: беспомощен я был тогда, и вообще – в положении зародыша, в интимной позе, с подобранными к животу ногами, прячась в личном мире сновидений.

Теперь же я не был одет должным образом. И поднимался с постели прямо перед ним, вальяжно сидевшим. Перед посторонним, по сути, человеком. Он застал меня без какой-либо принятой позы, надетой маски, в том положении, к которому допускаются только близкие, ну, может быть, добрые друзья. Я же – следователь. И ни какой-нибудь, а следователь прокуратуры,

чёрт меня дери! Никто не смеет без разрешения влезать ко мне в постель! А если – с разрешением, то либо с моим, либо с соответствующим судебным постановлением. А так – никто и никогда! Не для того я делал имя, выслуживаясь и работая день за днём как проклятый, роясь в кучах грязного белья, да к тому же на самых дальних и паршивых свалках!

«Я, что же, должен вставать со сна и приводить себя в порядок перед этим посторонним грузным господином? На его глазах?»

Не хотел я этого. Не желал. Не так я всё планировал. Я должен был прийти к нему в кабинет, а он обязан был бы приветствовать меня и пригласить присаживаться по правилам, что приняты в цивилизованном обществе.

Меня бесила сложившаяся ситуация.

Я прочувствовал себя беспомощным мальчиком, угодившим во власть могучего дядьки, – которым я сам был вот уже не один и не два года! С какой же стати, спрашивал я себя, этот варёный помидор, раскрашенный по самое небалуй, взялся вести партию? На каких основаниях?

Я действительно был возмущён. Я негодовал! Я приехал не для того, чтобы играть в подобные игры. Такое я сам проворачивал каждый день по долгу службы. Но это в той жизни, мною, как я полагал, покинутой на десять дней. Когда этот срок пройдёт, я снова примусь за прежнее, и тогда снова не будет своих и чужих, потому что там, в той, оставленной мною жизни, все – волки. Там можно в один миг, как угодить в чью-то пасть, так и взлететь под облака – наслаждаться свободным полётом, всё видеть, над всем парить и выбирать добычу!

И вот мне предлагалась всё та же грубая и жестокая игра, конец у которой никогда не бывает хорошим: если сожрали тебя – понятно, тут уж конец всякой музыки, если сожрал ты – грех, а значит – совесть... и мучиться тебе безвозвратно – не проходящая то мука...

– У нас разговор как-то с наскоком получается. Друг на друга вроде как пытаемся наскочить. – Он взглянул деловито и цепко. – Это, по-видимому, от того, что мы уже не дети и прошло много лет, а мы... ну, скорее я сразу захотел воспользоваться именно детскими годами. А вот так сразу не получается. Так?

«Умный, бестия. Знает, почём лихо, не говори, что тихо! Вон как повернул, срезал углы – опытный».

– Так, – ответил я.

Помолчали.

И верно – легче стало. Появилось что-то приятельское. Прежнее. Высказанное вслух замечание личного характера, как бы оголило наши внутренности, и мы, таким вот образом встав друг перед другом во всём своём естестве, стали роднее, ближе. Задышалось свободно. Пропал косой взгляд – нет ожидания прорыва затаённого, недоговорённого слова.

Вот так вот сушая малость, откровенно высказанная, устраняет все шероховатости, а то и связывает всё в один узел да и выбрасывает вон, за порог.

Натянув штаны, я сел в свободное кресло.

– Ну, за встречу через возвращение в родные пенаты? – Он протянул мне стакан.

Мы выпили.

Я взял с блюда тонкий кусочек сухой колбаски – закусил.

Он распечатал коробку с сигарами. Молча предложил мне. Поднёс серебряную зажигалку, чиркнул – закурили. Дым обволок нас. Мы откинулись на спинки кресел и некоторое время слушали тишину. Клонившееся к горизонту солнце заливало комнату, но в нашем углу таилась тень. Едва слышно шумела вентиляция.

Я долго смотрел на свет, на то, как причудливо растекается дым от сигар в косых лучах солнца, и потому, когда он закашлялся, и я обернулся на звук, я увидел только размытое пятно, а не человека. Оно выпустило струю дыма и произнесло:

– Всё, что тебе нужно по делу, приведшему тебя в забытый край, ты найдёшь здесь, в *моём* доме. Те, кто тебе нужен, все бывают у меня. Мне кажется, что тебе надо сразу разрешить все сомнения. Если они есть, конечно. Покончив с делами, тебе останется лишь принять моё гостеприимство – отдаться в мои заботливые руки, окунуться в мою чудесную водицу, испить её. Я о тебе побеспокоюсь не хуже мамочки *Фроси*.

Упоминание об этой даме вызвало у меня небольшую панику. Паника пришла за потрясением, которым я захлебнулся от внезапности, с которой она, Ефросинья, при упоминании о ней, встала передо мной как живая. Вспомнилось всё чётко и точно.

Глава третья

То было время туманов. Они, клубящимися слоями, покрывали землю. Взор был помрачён размытыми очертаниями предметов. Даль была неразличима. Но в столь бедных декорациях разум особо бойко рисовал картины, создавая свой мир, свои перспективы. Которые, увы, были недолговечными. Они оставляли нас очень скоро. Вдруг возникнув, уносились они всё теме же туманами, в которые каждый из нас погружался полностью, без остаточка, так как лет нам было немного – и оттого-то наша память просыпалась в редкие моменты: вынырнув на чистое пространство, подивясь тому, насколько ясным может быть мир, мы снова уходили в туман... и рассудок с натугой поспевал за мало видящими глазами. То была пора детства.

Несмотря на то, что на ту пору мы учились уже в шестом классе, и каждому из нас набегало по двенадцать годков, мы были детьми. Дети. Особенно осознаешь это, когда тебе подваливает к сороковнику – и волос день ото дня становится всё более сед и редок, всё тяжелее просыпаться по утрам и бороться с обрякшим, отёчным лицом, а взбираясь по ступеням до квартиры, задыхаешься и, потея, обволакиваешься неприятным, очень пахучим духом...

Кто-то говорил о Фросе, что она не в своём уме. Кто-то смеялся над ней, но тайком, отвернувшись. Кто-то показывал пальцем и дразнил. Кто-то жалел. А кто-то понимал и помогал.

Она же всех любила и жалела, отдавая то, чего не могла дать своим детям, так как у неё их не было. В своё время она много почертила-покуролесила, потому что надеялась, что хотя бы какой-нибудь мужик сумеет-таки оплодотворить её мёртвое чрево. Не суждено. Не вышло. В свои пятьдесят четыре года она уже не затевала беспутных отношений. Отчаялась. Но не огрубела. Может быть, закрывшись в своём горе, немного поглупела – прикидывалась, будто бы и нет его, горя этого.

Порой вела себя Фрося странно и пугающе, – со своей-то тягой к заботе о чужих детях. Из-за этого никто из мужчин, даже если бы она того хотела, не оставался с нею надолго.

Она всё имеющееся из личного достатка и из собственной души отдавала всякому, кого могла приманить, кто не отталкивал её, не боялся, шёл на контакт, да что там – любому человеческому детёнышу!

Вначале, когда такая блажь стала очевидной и постоянной, многие родители боялись дозволить своим детям общение со странной бабой, в недавнем прошлом, как многие считали, гулящей. Но в скором времени они убедились в безвредности, в безобидности её притязаний на заботу о чужих детях. Тогда люди не просто перестали обращать внимание на её причуду, а стали сами приводить своих отпрысков, чтобы она посидела с ними, присмотрела, и одарила, благодарили её материальным вспомоществованием за оказанную *услугу*. Но можно ли подобное назвать таким словом? Её сердце нуждалось в детском смехе, в детском лепете, в ребячьих проказах, в их непослушании. Такое не назовёшь «услугой». Всё шло от сердца, а что приходит от него, то – благодать. Она окуналась в радость, она омывалась нежностью, которые видела в детях.

Так и жила Фрося: любя всех детей, благодетельствуя им, прощая насмешки и оскорбления, не видя дурного, неся добро, внимание и заботу всякому, а не только сирому и убогому.

А вот к родителям, имевшим повадку задирать, обижать своих чад, она была строга и даже жестока. Бывало, увидит она, как Степан Анатольевич с четвертого этажа из десятой квартиры гоняет и лущует почём зря своего Серёжку, так возьмёт подвернувшуюся под руки скалку-палку или бидон из-под молока, а то и сумку с батоном или камень с проезжей дороги – что ни попадя, и давай гонять и молотить проходимца, отчитывая его самыми последними словами так, что только диву даёшься: где же забота о детях, которые всё видят и слышат? А как утихомирится, так берётся, как ни в чём не бывало, за приготовление пирожков да блинчиков

с начинкой – и дух стряпни доносится из распахнутого окна её квартиры на первом этаже, и слышится тихая песенка, которую она напевает будто бы спящему в колыбели, что стоит рядом с ней, ребёночку – Васятке, как она часто мечтала на людях.

Тогда была весна, и густо насаженные деревья с кустами укрывали двор яркой нежной зеленью. Воздух был чист и свеж. Птахи залихватые. Гомонили детские голоса.

Был 1987 год. Была весна. Только-только отшествовал Первомай, и народ притих в ожидании Дня Победы.

Четвёртого мая я был приглашён на сражение – на каменное побоище! Столь грандиозное событие должно было состояться на территории заброшенного двухэтажного большого здания из красного кирпича. Крыши у него не было – от неё осталось только несколько железных балок, возле которых, на кирпичных стенах, и на бетонных плитах пола бывшего чердака ютились небольшие деревца. Что было в здании когда-то, я не знал. Но это было не важно. Главное – это то, что можно было исследовать донныне неведомую территорию! Вскорости я узнал, что все называют здание «фабрикой», и говорили, что возвели её аж до самой Октябрьской Революции.

Я не ведал, что мы станем делать на самом деле. Почему-то цель нашего визита в этот мёртвый, забытый мирок, казалась мне сомнительной. Кому я стану мстить, давая бой камнями? За какие такие проступки, зачем? Мне никто ничего худого не делал! Но меня пригласили... и я пришёл. Правда, пригласили для количества... так что от меня требовалось всего лишь не отставать и во всём подражать.

Но, опасаясь быть застигнутым врасплох в столь диковинном месте, я осмелился попросить у товарищей объяснений. И мне снова поведали о том, что в прошлый раз ребята столкнулись в здании с некими пацанами, и те внезапно объявили им войну! Потом всё-таки добавили, сознаваясь, что после непродолжительной схватки они, мои товарищи, бежали. И вот теперь они возвратились за возмездием, чтобы тех, кто достиг величия победителей, низвергнуть к своим ногам.

Мы были обязаны одержать верх над неприятелем!

Мы – это Мишка Чекалкин, Сашка Меркунов, Димка Родимов, я и ещё неизвестный пацан облезлой наружности, который был старше нас года на два, знакомый Сашки.

Мишка, исполняя роль разведчика, проверил территорию, и никого не обнаружил. Тогда он перевоплотился в дозорного и смело встал в огромном оконном проёме – всё одно, что древнеримский воин на развалинах Карфагена.

Мы проникли в полумрак фабрики как можно бесшумнее.

Осыпавшаяся штукатурка, побитые кирпичи, жестяные банки, стеклянные бутылки, бумага, покорёженные железки – груды мусора встретили нас. Мы пробрались по широкой лестнице без перил на второй этаж. Наверху было всё то же самое – разруха. Только не было ни одного деревца, просунувшего в окна ветви, в отличие от первого этажа.

Мишка ударил ногой по бутылке из-под хереса – брякая и звеня, увлекая за собой пылевые вихри, она понеслась, подсакивая, вниз по лестнице. Этот вдруг возникший резкий звук неприятно резанул по ушам. Я испугался его внезапности и привлечения им внимания затаившегося – или уже крадущегося? – противника, а так же неодобрения со стороны Сашки и его друга, так как они почитались за главных. Но они ушли далеко вперёд, и ничего не слышали или просто не хотели снисходить до всяких пустяков.

Мы столпились перед обширным свободным пространством – зала, и в ней наткано шесть частично порушенных квадратных столбов-опор. Зала была в центре второго этажа. В ней было настолько ослепительно светло, что я на какое-то время потерял из виду товарищей: они, пройдя вперёд, растворились в пылающем мареве.

Пока я осваивался в плохо различимой новой обстановке и аккуратно делал первый шаг, ребята успели дойти до окон, и, свешиваясь в пустоту, кому-то что-то кричали. По-видимому,

они нашли своих противников, бывших обидчиков, среди густых теней обильных зарослей внизу.

Что-то пролетело и гулко ударилось в один из столбов. Поднялась пыль. Вялым облачком, играясь в лучах солнца, она поплыла по воздуху.

Ребята кинулись врассыпную.

Мишка Чекалкин остался на месте. Он лишь присел. Ему под руку тут же подвернулся камень. Он схватил его, смело выпрямился и швырнул его, ослеплённый солнцем, клонящимся к горизонту.

Димка Родимов, укрытый простенком между окнами, стоял рядом с ним. Он периодически высовывался в окно, тщательно прицеливался – при этом у него из перекошенного рта высовывался кончик языка – и с наслаждением запускал камень за камнем в увиденного или угаданного злодея.

Сашка Меркунов, отбежав назад, спрятался за одним из столбов. Его старший товарищ оказался за соседним столбом. Они усердно собирали камни, рассеянные вокруг, и подкидывали их бойцам на передней линии.

Солнце врывалось в пустые окна. Оно грело наши лица. Радостный весенний мир лизали длинные тени.

Один за другим прилетали камни. Они ударялись о найденное препятствие и рассыпались кучей брызг – воздух всё больше насыщался пылью, отчего першило в горле, хотелось чихать, слезились и часто моргали глаза.

– Быстрее давай ещё! – орал, захлёбываясь слюной, Мишка Чекалкин. – Не дай ему высунуться. Не дай! А то он нас завалит!

– Натё, держите, ха-а! – подхватывал Димка.

– Проклятый ихтин-завр, – несло по заброшенному зданию из красного кирпича.

Я прошёл вдоль стены и выглянул в окно, и увидел невысокое маленькое строение, где в будущем разместится часовня. Оно, лишённое крыши, даже не доходило до нашего второго этажа. Там мелькали головы. На всякий случай я подался назад.

Я долго путался в неясных и противоречивых мыслях: «Куда лучше идти, к окну или за столб? Но от столбов не видно неприятеля. А у окон слишком опасно. Правда ли, необходимо рисковать собой и ребятами, что находятся по другую сторону стены? Хочу ли я кому-то причинить ущерб, готов ли я сам пострадать? Насколько всё серьёзно, важно?»

Мне хотелось крикнуть: «За что сражаемся, ребята?»

Пока я терзался в сомнениях, всё, вдруг, прекратилось.

В один миг, как по команде, всё стало, как прежде. А главное – это тишина. Она была первой. Мироощущения как бы плюхнулись на прежнее место – и всё покатило, как всегда.

Кто-то из ребят стоял, кто-то сидел, но каждый был растерян: что делать, высовываться, кидать, метать или идти прогулочным шагом, чтобы созерцать поле боя? Торжествовать!

Некоторое время Мишка, высунув голову, внимательно изучал лежащее перед ним пространство.

– Кажись, ушли, – сообщил он и выпрямился.

Была весна, был май, всё ещё существовала Коммунистическая Партия Советского Союза, Перестройка делала уверенные шаги, а мы были детьми – мы шествовали в тумане.

Я так и не разобрался в произошедшем.

Сначала – всё было таинственно.

Потом – шумно и опасно.

И вот – тишина.

Говори, как хочешь, ходи, как и где вздумаешь – делай, что хочешь. Не надо таиться, не надо прятаться и уклоняться, кидать, кричать, суетиться.

Я вплыл в середину залы.

А ребята уже снова перекинулись через подоконники. Они осматривали местность. Те, кто был на переднем краю сражения, между делом рассказывали группе прикрытия о бывшей дислокации противника.

– Ушли... Труссы! – в сердцах выкрикнул Димка. Он подхватил с пола здоровенный кусок кирпича и со всей мочи швырнул его в глубину помещения. Кирпич вязко шмякнулся о верх противоположной стены и внушительная часть кладки обрушилась.

Все ахнули и невольно присели.

Солнце горячим апельсином висело в середине окна, нагревая наши спины.

– Вот это да-ааа, – протянул Сашка. – Ты видел? Как это у тебя вышло?

Он посмотрел на перепуганного Димку.

– Просто кинул булыжник, – ответил тот и пожал плечами, мол, непонятно как-то, я не виноват. И предложил: – Давайте отсюда убираться.

Мы пошли к лестнице, жикая ногами россыпи камней. Только Жоржик, знакомый Сашки, приблизился к обвалившейся части стены.

– Ух ты! – вырвалось у него, и это нас остановило.

Мы, конечно же, не оставили его в одиночестве. Он был *обязан* поделиться восторгом. На то мы и мальчишки! Любопытство и мечта о лидерстве – вот, что заставляет нас находиться в постоянном движении.

От того, что лежало среди кирпича, штукатурки и деревяшек, у нас заблестели глаза. Алчность поглотила каждого. Опустившись на колени перед кучей вновь прибывшего мусора, мы стали обогащаться!

Глава четвёртая

Их было много. Красненькие, синенькие и зелёные. Десяти-, пяти- и трёхрублёвки. Сотенные и даже пятачки. Это были деньги. Бумажные. Старинные. Невиданные. Неведанные. Таинственные. Отчего были они для нас ещё привлекательнее.

Хотя мы понимали, что теперь такая «монета» не котируется, – ан всё-таки деньги, и – наши! Мы – обогащались. Мы хватали разноцветные бумажки – кто сколько успеет. Никто из нас никогда не владел сразу столь внушительным богатством.

– Это, наверное, клад, замурованный местным капиталистом, – предложил разрешение загадки Мишка. – Хозяином, которому принадлежала эта халупа.

Мы переглянулись.

– Тогда здесь могут быть драгоценности, – развивал гипотезу Димка. – Ну, камни там разные дорогие, золото, украшения.

Нас пробрала дрожь. Нас затрясло – так, наверное, проявляла себя «золотая лихорадка», которой были подвержены американцы во времена Дикого Запада, – а оравы индейцев сновали вокруг, мельтеша перьями на смоляных головах за ближайшими сопками и потрясая луками, улюлюкая.

Ух-ты!

Мы только что отбили атаку точно таких же аборигенов. И теперь мы, нервно озираясь, готовясь к подлому нападению со спины, могли урвать от их плодородной нехристианской земли кусок неплохой жирности! Если бы мы были кровожадны, то мы польстились бы и на их скальпы, за которые выручили бы по доллару за штуку – лишняя монета всегда придётся кстати. Хотя! Доллар – это не наша денежка!

Перед нами лежали кредитные билеты Царской России.

От них веяло историей. Временем, когда мы от рождения не имели свободы. Когда мы целиком принадлежали своему барину, зависели от него – день-деньской, не разгибая спины, пополняли его закрома, и без того туго набитые, а сами пухли животами от дрянной и малой пищи! М-да... восторг!

Никто из нас нисколько не сомневался в том, что мы равны между собой по происхождению. Мы – дети крестьян и рабочих. Мы можем друг друга рвать зубами, но, если понадобится пойти против ненавистных капиталистов, мы забудем внутриусобные распри, мы объединимся в одну отчаянную ватагу или в оплот социалистического лагеря – мы пойдём, не щадя ни себя, ни врага, все вместе, выступим единым фронтом! Дрожи, трепещи толстопузый буржуй, потомки Мальчиша-Кибальчиша не позволят тебе спокойно жиреть на горестях и несчастьях простого народа! – вот наш лозунг. Красные будёновки украшали наши маленькие головы, когда мы, дружно маршируя, выбивали пыль из щелей спортивного зала на очередном конкурсе «Лучший боевой отряд школы», а потом – отряд района. И уже самые лучшие и отважные из нас, непримиримые и упорные, удостоивались чести участвовать в областном, а то и... даже страшно подумать... межобластном смотре.

Да, мы – будёновцы, мы идём в бой, и Красная Армия, что всех сильнее, победит любого узурпатора! Не зря пали наши деды, мы – достойная им смена!

Мы, рассовав по карманам ассигнации, принялись рыться в груде мусора, созданного упавшей частью стены. Каждый из нас желал первым наткнуться дрожащими пальчиками на заветную шкатулку или на сундучок, а то, может, на худой конец, на ржавую банку, внутри которой будут сверкать кулоны и медальоны, усыпанные драгоценными камнями, блистать золотые и серебряные монеты и слитки. И тот, кто окажется первым, тот, однажды вцепившись в заветный предмет, сделает всё от него зависящее, чтобы не выпустить его из рук! А если ста-

нет неминуем делёж, то он поспешит воспользоваться силой и прибегнет ко всем доступным правдам и неправдам, чтобы взять себе лучшее и большее!

О, да! И это будут не кулоны, а монеты самых разнообразных чеканок: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры. «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» – повторял, пока не выбивался из сил, зелёный попугай, носивший имя кровожадного пирата – Капитан Флинт. И мы уже будем свирепыми, в шрамах и рубцах, грязными и подлыми пиратами, – может даже с повязкой на глазу, а иной заскачет на одной ноге. Будем размахивать тяжёлыми саблями и грозить пистолетами, как Долговязый Джон Сильвер, ходивший под командованием угрюмого, вечно всем недовольного капитана «Испаньоль» Смоллетта, который разыскивал сокровища, зарытые грозным старым пиратом Флинтом. Будем жаждать испить рому, скверно ругаться и дымить вонючим табаком из длинных трубок!..

Тени сгущались. Пришли сумерки, а мы всё рылись у холодной стены, которая, в нашем усердии отыскать что-то большее, чем красивые, важные, но всего лишь памятные бумажки, была дополнительно разрушена настолько, насколько хватило наших сил и достало умения с возможностями.

Первым сдался Жоржик.

– Баста, с меня хватит, – сказал он. – Сашок, я пошёл. – Сашок копался как трудяга муравей. – Ты что, остаёшься? Давай, пошли! – не сказал, а приказал Жоржик.

И Сашок подчинился – оторвался от своего занятия. Выпрямился. Было заметно, что он ужасно сожалеет о своём уходе. Попрощался:

– Пока. Мы пошли? – Ему хотелось, чтобы с ними пошли и мы.

Сашок с лентой отряхнулся и поплёлся за старшим товарищем. Ещё раз оглянулся – его лицо было сжато в тоскливой гримасе... и канул в черноту лестничного проёма.

Мы ничего не замечали. Мы копошились и рылись!

Прошло десять минут... ещё пять...

Становилось всё темнее...

Мы приостановили поиски. Мы надеялись возобновить их завтра. Правда, была опасность, что в наше отсутствие кто-нибудь нагрянет. Да хотя бы тот же Жоржик. Но, как бы нам ни было тягостно покидать многообещающее место, так неожиданно нами открытое, – по чистой случайности – в этом мы не сомневались, – надо было уходить: уж слишком неуютно стало в заброшенном здании, к тому же, чем позже мы придём домой, тем больше нам достанется от родителей.

Мы ушли. Мы покинули место искушения обогащением.

В темноте, серыми, безликими мышками мы добрались до нашего пятиэтажного дома, и в подъезде стало видно, насколько мы грязные, словно разъярённый трубочист освобождал дымоходы от шлака не своей корщёткой, а нами. И мы вспомнили о бабе Фросе – она поможет, она придаст нам человеческий вид! К тому же у меня была сильно содрана кожа на руке и немного на лице – это я, ослеплённый надеждой отыскать «священный сосуд», настолько усердно долбил стену, что из-под самого потолка на меня рухнула кладка. Тогда, в пылу охватившей меня жажды наживы, травма показалась пустяковой, а теперь заставила обеспокоиться, потому что была слишком грязной и всё ещё саднила.

Мы с Мишкой жили в одном подъезде, в среднем, а Фросина квартирka была на углу дома, по правую руку. Нам нужно было подойти к дому сзади, чтобы очутиться под окном первого этажа, где в безрадостном одиночестве обитала Фрося, – непременно, как и в большинство вечеров, она сидит в ярком пятне жёлтого света и что-нибудь вяжет. Она вечно вязала то шарфик, то носочки, то тубетейку или шапку, варежки, а то и кофточку, и всё раздавала или тому, кого заметила заранее, или любому, кому её рукоделие окажется впору, ну и тому, конечно, кто не откажется, не побрезгует взять.

Земля была влажной. Жирно, маслянисто пахли распускающиеся листья и набухающие первые цветы.

Мы встали в свете окна, и Фрося нас увидела. Её тусклые глаза распахнулись от возмущения тем состоянием, в котором мы прибывали, но не ожили.

– Мальчики, разве так можно? – поинтересовалась она. – Уже поздно, надо быть дома. Мамы и папы волнуются. Они с ног сбились, разыскивая вас. А вы, вдобавок ко всему, приходите вон в каком чудовищном виде. Замарашки, грязнули-грязнопупые. – Она не говорила, а нашёптывала. В её голосе не было гнева. Фрося была сама доброта. – Ну, давайте, давайте, живенько забегайте. Вас надо привести в божеский вид, а то придётся несладенько – достанется вам.

Мы обогнули дом и шмыгнули в подъезд.

– Мишка, Борис – это вы? – донеслось до наших грязных ушей – кто-то из родителей бродил в ночи, ища своё запропастившееся чадо. Если это так, то, увидав, что мы пошли к Фросе, кто бы там ни был из чьих родителей, он не станет нас помогать, а успокоенным вернётся домой.

Вскоре после того, как мы проникли в приоткрытую дверь квартиры Фроси, в оконце тихонечко постучали и кто-то что-то спросил, и... появилась Фрося.

– Мишка, это твой отец. Сегодня трезвый. Не бойся, он пошёл домой. Верно, ляжет спать.

Так оно всегда и было. Если родители по каким-то причинам не могли за нами приглядывать, а таковая необходимость имела, или и того хуже – они работали в ночную смену, то они неизменно просили Фросю нас приютить, а она не отказывала, и родители были спокойны, и оттого могли гулять в безудержном веселье хотя бы до самого утра или томиться на службе.

Мишка с облегчением вздохнул, а я ему вторил, – теперь нам не влетит, теперь родители взаправду лягут спать. Они не станут продолжать наши поиски или приходиться к бездетной бабе Ефросинье с требованием о нашей выдаче.

После умывания и оттирания, прижигания ран йодом, мы сидели на кухне в одних трусах, укрытые дежурными, заготовленными для таких случаев безразмерными рубашками и поедали блины, запивая их чаем с малиновым вареньем. Нас клонило в сон, а Фрося замачивала, а потом стирала нашу одежду.

У Фроси всегда имелось местечко, где могли скоротать ночь такие шалопаи как мы, и, когда мы проснулись, наша одежда была едва влажной – она колыхалась на утреннем ветерке в спящем солнышке пятого числа месяца мая 1987 года. Мы подёргали её с верёвок на балконе, облачились и занялись поисками вчерашних трофеев, которые обнаружили на холодильнике «ЗИЛ». Лежали они одной внушительной стопкой, придавленные чашкой.

Это была катастрофа!

Мы предались неистовству, стараясь призвать на помощь справедливость, вольно блуждающую среди необъятных земных просторов.

Мы тужились вспомнить, кому чего и сколько досталось вчера.

Не простая то была задачка. Подозреваю, что мы не во всём оказались справедливыми и честными. Но громкого разлада между нами не случилось. Мы справились.

Мы побежали до своих квартир, чтобы собраться в школу.

Сонная после ночной смены мать подошла сзади и помяла мой загривок, то ли журуя, то ли лаская.

– Не надоедайте Фросе, – сказала она, – вас, сорванят, много, а она одна. Она никому не умеет отказать, всем хочет угодить, каждого приласкать, защитить, и не видит, что это невозможно. Да вас хоть голубь, хоть стегай – никакого проку, нипочём не понимаете и не цените, только мотааете нервы.

– Мы её не мучим, – ответил я. – Мы пили чай и слушали рассказы о давних временах, когда она жила в Сибири. Как она пугалась медведя, когда он забрёл в деревню.

– Да-да, я знаю... Что ты будешь, омлет или яичницу? – Я стал мяться, не отваживаясь сделать трудный выбор. – Я там купила солёных огурчиков – возьми до слюны, легче пойдёт, – съязвила мать и взялась за готовку яичницы – того, что проще.

Я поставил на плиту кисель недельной давности и стал нарезать крошащийся батон. Отца уже не было: работая в утреннюю смену, он уходил в начале шестого часа.

В школе ничто не меняется. Школа, привычно кипя, бурлила, как в моём животе несвежий кисель с пересушенной яичницей. Но школьное однообразие имеет массу оттенков. В этот день все разговоры велись вокруг царских кредитных билетов.

Мы – вчерашние кладоискатели, нынче были всеми любимы. Мы гордо шествовали по коридорам в окружении толпы, жаждущей заполучить любую из цветных бумажек.

Мне так и не удалось насладиться изучением редких вещиц, поэтому я, улучив момент, спрятался за углом школы в кустах, чтобы отобрать для себя банкноты, которые сохранились лучше всего – чистые и целые. Я надеялся сбегать на следующей перемене домой и там их оставить. Я был дураком, притащив в школу все семнадцать штук!

Я утаил девять банкнот. Остальные, по примеру товарищей, мне предстояло раздать, чтобы приумножить свою популярность.

Был у нас в классе такой Ромка Садов. Его шпынял, унижал и угнетал всякий, кто был к тому склонен. Шайку нашего класса, всех задирающую, возглавлял Сергей Толкаев. Ох, сколько же раз Ромка был ими бит, сколько же он претерпел и съёл от рядовых членов этой малолетней группировки, безропотно выполняющих приказы предводителя. Сам Толкаев редко принимался за дело. Он являл собой типичного заводилу, направляющего подзуживанием, устыжением, посрамлением, умасливанием, соблазном тех, кто встал под его знамя, кто подчинился его власти, кто нуждался в Повелителе.

Но Ромка не ломался. Он оставался прежним. И даже вступал с обидчиками в дружеские разговоры, словно они с час тому назад не гоняли его по коридорам школы или уже успели принести извинения, поклявшись впредь не учинять ему унижения.

Как правило, смотришь, а Ромка сидит в каком-нибудь углу, сжавшись в комок, а его музуют ватага пацанят, и всё у них выходит так весело, без напряжения, легко! Может, так и надо? Может, это их понимание существования? Не знаю. Но впечатление это производило тягостное.

Не стану отрицать, Роман был разгильдяем и неряхой: относился он и к себе, и к своим вещам небрежно. Встретишь его, а он улыбнётся сочными губами, повертит круглой головой с помятыми и блеклыми от нечистоты волосами, моргнёт въедливыми чёрными глазами: одна половина комканой рубахи торчит спереди, другая вылезла сзади, школьный пиджак короткий, в пыли, и то же самое со штанами. И вёл он себя так, как будто себе на уме. Глядишь на него – и по спине аж озноб пройдёт от возникшего вопрошающего недоумения. Глаза то и дело натывались на его портфель, валяющийся в самых неподходящих местах, а книги и тетради – высыпались, и вылизывают белыми листами грязный пол, а на какой-нибудь странице замечается след от обуви.

Я его не притеснял, и зачастую все моменты зарождения очередного на него наезда проходили мимо меня – видишь только уже начатый процесс или его последствия. Особенно жалко Романа не было.

И вот, только-только от меня отошли ребята, подходит Роман:

– Борис, дай и мне. Хоть что... ну дай... – И как-то шально заглядывает в глаза.

Не понравился мне этот взгляд, да и стало мне его жалко. Пускай порадует, думаю, а то, что он видел в жизни хорошего? Как в семье – не знаю, а в школе, так это точно – одни неприятности.

Я выбрал из остающихся разноцветных бумажек на треть оборванную зелёную трёхрублёвку. Но тут во мне что-то как будто щёлкнуло. Я отвернулся от него, пошарил в собственных сбережениях и достал чистенькую красную десяточку, такую, что оближешь пальчики, м-а!

– На, – говорю, – держи. – Протянул, а он смотрит и не берёт. Не верит, что ли? Никак не разберу. – Бери, – говорю, – это тебе. – И тыкаю цветными бумажками ему в грудь.

Он подчинился, и, лишь только коснулся их, затрясся, затрясся весь...

Я, наверное, в тот момент даже побледнел – так я испугался.

Его колотит, глаза закатились, пальцы зажали деньги намертво! И я держусь за них, не отцепляюсь, оглушённый такой реакцией. А он стал медленно оседать на землю – рот открылся, кончик языка высунулся, а зубы мелко-мелко дрожат.

Я опомнился, разжал пальцы – и Роман опустился на землю, словно бесформенный куль: ноги подобрались под него, голова склонилась, туловище отвалилось – цифрой «2» сел и затих.

– Что это с ним, припадочный, что ли?

– Эпилепсия.

Начали говорить подошедшие старшеклассники.

Образовалась толпа. Все раззявили рты – любопытно, необычно. Кто-то переглядывается, не зная, что делать. Кто-то знает, но ему боязно проявить инициативу. Да и Ромка же это, Садов – *это*, сами знаете, такого раз тронь, потом не отмоешься во век! – как в прямом, так и в переносном смысле. А всё больше стоят зеваки. Глазеем, значит.

Никто из учителей подойти не успел. Они, пожалуй, даже не увидели, что образовалась толчея.

Роман вдруг дёрнулся и, как бревно, повалился набок. А, как коснулся плечом земли, так сразу же очнулся и бросил под себя руки, как бы предупреждая падение, которое к тому времени закончилось. Он перевернулся на живот. Тяжело, задом вверх, опираясь на ноги и руки, поднял себя, выпрямился. Секундочку постоял, посмотрел на деньги в руке, обвёл всех потрясённым взглядом и, волоча всё ещё нетвёрдые ноги, прошёл сквозь толпу – надо думать, что пошёл домой: в том направлении он обычно уходил после школы.

Мы постояли, наблюдая, как он удаляется, и стали расходиться с таким чувством, словно оказались свидетелями настоящего несчастного случая или серьёзного происшествия.

В тот день Романа Садова больше не видели.

Его портфель, с разомкнутым замком и высыпавшимися книгами, лежал позабытым под лестницей, – по-видимому, его кто-то туда отфутболил, негодуя, что этот грязнуля Садов привлёк к себе всеобщее внимание таким изощрённым образом, умудрился отчубучить такой замысловатый номер!

Глава пятая

Обозько всё сидел и курил огромную сигару. Я же свою отложил, более не в силах сносить дыма, скребущего горло, обжигающего лёгкие, – аккуратно растолок горячий кончик в хрустальной пепельнице.

В детстве мы с ним не были близки: учился Обозько в параллельном классе, и по-настоящему наши пути ни разу не пересекались. Но мы хорошо знали друг друга в лицо. А общий город, один год рождения, соседние классы, одна школа, общие знакомые – нас объединяли и роднили.

Перипетии той давней суতোлки вокруг царских денег не преминули коснуться и Обозько. Ему тоже – через пятые руки – достались две купюры. Они долго хранились у него в укромном месте, так же как у меня. Мы доставали их и с воодушевлением рассматривали – изумлялись старому казначейскому билету.

– Да-а, – протянул Обозько, – знавал и я заботу доброй, несчастной Фроси. Несмотря на то, что наш дом был далековато от вашего, бывало, что и мы промышляли мелкими издёнками и насмешками над этой бабушкой. – Он жевал кончик сигары. – Хотя она была не так уж стара. А? – Вскинувшись, дёрнув головой, добавил он, обратившись ко мне.

– Пожалуй. Под шестой десяток, никак не больше.

– Вот что с людьми делает жизнь... а мы ведь думали, что она полоумная старушенция. Ей от нас порой доставалось. Но она нам всё прощала, а может, так скоро забывала... и всё норовила накормить нас пирогами или позвать на чай с вареньем, а то совала какие-то шапочки, варежки, шарфики. Помнишь?

– Я долго носил зелёную спортивную шапку, ею связанную. Мать настаивала, чтобы я надевал её, чтобы порадовать добрую Фросю. Ефросинью.

Наконец Обозько отложил сигару и занялся приготовлением напитка, который он назвал «Оранжея», и обронил ненароком куда-то в сторону, в пространство:

– Ты всерьёз вздумал взяться за случай с Романом Садовым? Ты хочешь основательно покопошить-пошуровать в нашем гнезде?

Он резал грейпфрут и на меня не смотрел.

– А что, у вас, действительно, гнездо?

Он исподлобья воззрился на меня. Его игривые глазки усмехались – в их коричневой глубине не ощущалось никакой тяготы.

Навесив на стаканы красноватые кружки грейпфрута, Обозько подал мне коктейль.

– Ну, в общем-то, да, – сказал он. – У нас небольшой город. Мы должны держаться вместе – защищать себе подобного. Время, сам знаешь, не простое, а в не столь давние времена было куда хуже, в общем, не просто. Так что... мы привыкли, срослись. Ты же спец по таким делам – должен понимать. В основном тогда, в не столько давние, сколько смутные времена и сложилась внутренняя ячейка – сообщество знающих, умеющих, понимающих, ценных в своём роде людей. Ты думаешь, мне было легко поднять и удержать такое дело как мои «Ключи»? Ох, как непросто. Ко многим пришлось подыскивать подходы. Хорошо, что в подобной сфере услуг я был первым – конкуренции не было. И теперь этот рынок – мой. Это я тебе скажу очень точно. Вот сейчас посидим, повспоминаем и спустимся вниз, а там сам увидишь, на чём стоим, за что держимся... Где собираются значимые люди? У меня! Или бывают. Сам мэр – постоянный гость. Заходит покушать и искупаться в моих чистых студёных ключевых источниках – это знаешь, я тебе доложу, такая чудесная, такая живительная вода, даёшься диву, что она творит с человеком! После неё несёшь себя по земельке как младенец – так легко и спокойно делается. Ты удивишься. Вот, значит... если тебя не удовлетворит мой

рассказ о Ромке, который я вознамерился поведать, то ты сможешь прямо у меня, тут, если не брезгуешь, увидеть нужное тебе чиновничье лицо – все тусуются здесь. У меня. Вот так-то. Если тебе надо подписать какие бумажки, они подпишут, ты не беспокойся. Можешь расслабиться и наслаждаться.

Он явно захмелел.

– Что ж, это значительно упростит предстоящие заботы.

– Упростит, упростит! В этом нету никакого сомнения. Но сперва, будь добр, без протокола, в приватной обстановке, послушай одну историю. Я многое знаю. Я потом выяснял. Мне это надо было для раскрутки моего дела. Чтобы оно лучше шло. Очень уж хотелось процветать. И, вроде как, получается. Ну да теперь не о том, я отвлекаюсь... Мне есть, что рассказать о Романе. Ты наверняка ничего подобного не знаешь и даже не слышал. В рапортах и отчётах такого не пишут. Я думаю, тебе будет небезынтересно и даже поучительно послушать.

– Хорошо. Я готов выслушать всё, что ты готов сообщить по этому делу.

– Фу, – сказал Обозько. – Насколько же ты пошёл в своём официозе. Это действительно интересное и загадочное дело. В наших местах происходило много чего чудного и фантастичного. Хотя ты, наверное, кое-что помнишь. Ведь всё началось ещё тогда, когда нас захлестнула вся эта возня с царскими деньгами.

– Помню. Тогда говорили много всякого, но это всё домыслы и досужие сплетни. Не думаю, что такое могло быть на самом деле.

Обозько ухватил бутылку коньяка. Наполнил стаканы.

– Твоё здоровье! – Он приветственно поднял стакан и неторопливо, мелкими глотками, осушил его. Раскурил новую сигару. Предложил мне. Я отказался. Он с удобством откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и, держа в одной руке стакан, а в другой сигару, приступил к рассказу.

– Ну, так ты всё же послушай. Начну издалека. С того момента, когда по школе стал болтаться этот самый Садов, будто впавший в прострацию – глючащий и спящий на ходу. Помнишь?

– Такое не забывается.

– Верно. Не каждый день в школе заводится сомнамбула. Он и без того был чудиком. Грязнулей. С прибабахами пацан. Такого было грех не отколошматить. Долбишь его и думаешь: «Может, проснётся, может, человеком станет?» А то впадёшь в такое остервенение... и вот мажешь от плеча, со всего маха! А он такой жалкий, зажмётся в углу, руками прикрывается, чего-то попискивает – и никакого отпора. Так бы и раздавить! – Обозько пухлыми короткими пальцами стиснул пухлый коньячный стакан, вытолкнул из себя густое облако дыма и в сердцах изобразил плевок, то ли от злобы, то ли от омерзения, то ли от желания отогнать навязчивый образ, явившийся из давно минувшего.

Он опомнился, – видимо, сообразил, насколько неблагоприятное впечатление он может на меня произвести, какие появятся у меня мысли от такого поведения и отношения к Садову. Посмотрел на меня с замешательством.

– А вообще-то мы его не замечали... ходит – и пусть ходит, – сказал он. – Мало ли кто есть вокруг... вот ты, например. Ты тоже там был. Мы с тобой толком и не знали. Но сейчас нам это не мешает, верно? Единое прошлое сплотит нас крепче... ну, крепче... не знаю чего. В голову лезет одна несуразица: бабы, выпивка – кутёж, в общем. – Он опять посмотрел исподлобья – умоляюще или, может, просительно?

– Я понял, – подбодрил я Обозько. – Продолжай. Что ты там накопал? Только – правду, без всяких прикрас и без отсебятины.

– Нет, что ты, я всё – как есть! Зачем врать? В таком деле лишняя несуразица – пиши пропало. И без того достаёт всяческой галиматьи. Куда ни сунешься, везде – дрянь, в которую и верить-то ни с руки. А веришь! Веришь, потому что сам там был – в том времени. И здесь был,

то есть теперь... был, и пропитался обстановкой, почувствовал атмосферу – видел отголоски большого дела, проходящего стороной от всеобщих глаз. Ты, наверное, не знаешь, но мой отец был непосредственным участником тех событий.

– Да что ты?

– Представь себе. Когда я заполучил в личное пользование пять рублей, получилось так, что их увидел отец. И я был вынужден рассказать ему о кладе, якобы спрятанном в стенах вот этого здания, который случайно открылся неким ребятам, но кроме этих, никому теперь не нужных, денег, они ничего не нашли. Может, плохо искали, а может, больше ничего нету. Ну, а если есть, вот уж кому-то повезёт!

Долго я слушал Обозько, но его рассказ так и не был окончен. Мы отложили его на вечер – до нашей встречи в ресторанном зале. Я по-прежнему хотел оглядеть милую моему сердцу сторонушку, а для этого мне надо было хорошенько отдохнуть, то есть полноценно поесть и пораньше улечься спать.

Обозько не возражал. Он, умильно улыбнувшись, оставив на столе угощение, скромно удалился.

Я весомо подорвал здоровье принятым со сна алкоголем и сигарным дымом. Последний, слава богу, благополучно уносился в вентиляционный шлюз. К сожалению, этого нельзя было сказать об алкоголе. Будучи так скоро одурманенным, я не сумел в полной мере подивиться внешнему виду Обозько, чрезвычайно бросающемуся в глаза своей несуразностью, – это, если смотреть на стоящего круглого Обозько, одётого до крайности пёстро и с непомерной волосяной порослью на руках и ногах. Не подивился я этому, а лишь сухо, отстранёно отметил.

Я постарался привести себя в чувства горячим чаем, который был у меня в термосе, и повторным холодным душем – в комнате имелся санузел: ключевая вода нагнеталась насосами в баки на чердаке, отдельные для горячей и холодной воды, о необычности которой хозяин не сказал пока ничего конкретного. Перед уходом он только наполнил водой – прямо из-под крана – большой стакан и жадно её выпил, взахлёб. С удовлетворением утерев рукой подбородок, он посоветовал:

– Поправляй здоровье водичкой – очень хорошая водичка! У нас вся вода своя, так что – пользуйся! – И добавил, имея в виду небольшой беспорядок – последствия нашего скромного застолья: – Ничего не трогай, я пришлю прибраться Алёнку. Очень милая девочка. Только многовато самомнения. А так ничего... да. Жду тебя через часик. Познакомишься с моим семейством. Мы часто здесь ужинаем.

Несмотря на моё категорическое намерение рано лечь спать, я понимал, что, отправляясь в публичное, а в данном случае *злачное* место – в ресторан, я рискую нарваться на радушный приём со стороны какого-нибудь предприимчивого или влиятельного в здешних местах господина – от такого за просто так не сбежишь, не уклонишься от изрядной дозы всевозможных благ и увеселений. И я, понимая это, не стремился уклоняться. Но сперва мне хотелось обжиться, то есть привыкнуть к новой обстановке, так как от чрезмерных нагрузок мой раскусудок непременно помешается – потеряет здравомыслие, объективность суждения, чего я ни в себе, ни в людях никогда не приветствовал.

Перед этим мне надлежало спуститься, чтобы поставить машину на отгороженную стоянку и забрать из неё чемодан с вещами. Поэтому, достав из портфеля термос, я ограничился одним чаем, отложив на потом третий душ за день, – если считать обязательное утреннее полоскание.

Когда я вышел из номера, то сразу заметил пригожую, но слегка растрёпанную девичью головку, выглядывающую из-за угла возле лестничной площадки. Девушка не смутилась. Она с бесстрастным лицом вышла в коридор и направилась ко мне. Она приблизилась, и я сложил золотые буквы, прикреплённые к кармашку её розовой форменной рубашки, в слово: Алёна. Она, по-видимому, поджидала моего выхода из номера, чтобы в нём прибраться, и поджидала

на почтительном расстоянии, дабы не беспокоить, не потревожить – боже упаси! – меня, важного гостя, о котором печётся сам хозяин.

Я хотел запереть дверь, но остановился, разгадав её намерения.

Она взялась за дверную ручку. Я находился в каком-то непонятном для себя замешательстве, и поэтому не двигался с места. Отчего ей, чтобы попасть в номер, пришлось протискиваться: она сделала это чопорно, вытянувшись телом, привлекательным в своих формах. Она озорно взглянула на меня и шмыгнула внутрь.

«Наверное, я ей понравился, – подумал я. – Стану этим тешиться – это приятно».

Очень приятно, когда молодая и привлекательная девушка заигрывает с тобой, дразнит тебя, но всегда неясно, что за этим стоит, на что она рассчитывает, что хочет? Может, это просто баловство? Тогда – стыд и позор на твою седую голову! Может, надежда на контакт? Но это, скорее всего, самая наглая и беззастенчивая лесть себе самому. Обманка. Поддавшись которой, можно угодить в дурацкое положение. А не хотелось бы... Не хотелось бы обидеть ни её, ни себя.

Я менее всего хотел задумываться о возникающем между мужчиной и женщиной притяжении. Решать дополнительные ребусы и загадки. Не ко времени это.

Я как можно корректнее и теплее улыбнулся в ответ и прикрыл дверь под №15, которую она оставила приоткрытой.

«Кому же не нравится нравиться?» – пронеслось в голове каламбуром, который мне понравился. И я остался доволен и им, и этим неожиданным и приятным маленьким происшествием.

Спустившись в прохладу влажного первого этажа, я посмотрел в сумрак ресторанного зала. За столиками копошились люди. Свободных мест было много: шёл седьмой час вечера, и основной наплыв посетителей, надо думать, ожидался с минуты на минуту.

«Хорошо, что мне отвели крайнюю комнату, а то шум в самые популярные вечерние часы мог бы меня беспокоить».

Цилиндр в центре зала по-прежнему сиял, и журчали струи воды. Возле него стоял мальчик трёх лет. Он протягивал пухлую руку, в которой была прозрачная кружка. Он подставлял кружку под игривую струйку воды с одной из сторон фонтана. Рядом с мальчиком была девочка, года на два старше. Она следила за ним. А на верхотуре цилиндра привычно улыбались ангелочки, такие же пухлые, как и мальчик с кружкой.

Я подошёл к метрдотелю.

– Где мне наиболее удобно оставить машину? Я видел отгороженную стоянку...

Он не улыбнулся. Он был бесстрастен. Его лицо не выражало никаких эмоций.

– Да, то место отведено для автомобилей постояльцев и работников. Вы можете им воспользоваться.

– Спасибо!

Я только в этот раз разглядел, что за склянки выстроились за его спиной. Там были соки, всевозможные фруктово-ягодные напитки, кофе и чай. Под рукой же метрдотеля-бармена, частично скрываемое стойкой, находилось: кофеварка, два чайника быстрого кипячения, множество кружек, стаканов, ложек и блюдец. Сбоку, ближе ко входу, крепясь к стойке и потолку размещался длинный список услуг с расценками, а внизу написано: «Кружка ключевой воды для утоления жажды – всякому желающему! бесплатно!». Рядом стояла небольшая табличка, на которой были изображены бутылка вина со стаканом и дымящаяся сигарета, – они были перечёркнуты: «У нас не пьют и не курят», – гласила надпись.

Однако!

«А что это за дым и весьма определённый коньячно-винный запах так недавно наполняли мой номер? Я понимаю, что хозяин сам определяет дозволенное себе и своим гостям. Да и всякий постоялец может, уединившись в номере, делать всё, что пожелает. Лишь бы не портил

чужое имущество! Но разве из этого не следует, что хозяин придерживается здорового образа жизни? И тогда, если это так, зачем, скажите, пожалуйста, несколько минут назад Обозько столь усердно себя гробил? К тому же для неумеренных возлияний, которым мы придавались, нужна привычка! А сигары? Баловство? Которое всякий нет-нет да позволяет себе? Или эта жертва ради меня? Во имя меня! Для налаживания контакта. Или была поставлена иная цель? Что-то... что пока не ясно».

Я вышел в вечерний мир.

Густая растительность, запленившая пространство вокруг заведения, давала так много тени, что майское солнце, склонившееся к горизонту, лишь в редких местах пробивало себе путь до земли. Игра света и тени вокруг старого, но облагороженного здания завораживала необыкновенным искажением перспективы.

С предельным вниманием, памятуя о своём опьянении, я переставил машину на положенное место, туда, где имелся навес. Взял из багажника чемодан, опрокинул его на колёсики и покотил к двустворчатым дверям «Студёных ключей».

На этот раз меня встречал лакей или, скорее всего, носильщик. Он отобрал у меня ношу и, раскрыв дверь, пригласил входить первым. Это был невысокий, поджарый мужчина лет сорока. Что-то в нём показалось мне знакомым.

«Что ж, это ещё раз подчёркивает малую величину города – нет ничего удивительного, если многих узнаёшь в лицо».

Но мне чудилось, что тому виной не была случайная встреча на улице, пускай даже происходившая довольно часто. Между нами могло существовать нечто большее. Я не мог избавиться от этого ощущения. Я всматривался в него, но заговаривать не хотел: провинциалы бывают утомительными.

«У меня и без этого впереди не мало встреч и воспоминаний, где будут не только рассказы о жизни в минувшие годы, но и жалобы на всё ту же жизнь, на судьбу, на невзгоды, неудачи и прочее, прочее, прочее... кто-то женился, кто-то родил, а кто-то уже умер...»

– Вам приготовлен столик, – сообщил метрдотель и указал в сумрак ресторана. – Когда Вас ждать?

– Благодарю, но думаю, что я не управлюсь меньше чем за полчаса.

– Хорошо. Я сообщу Павлу Константиновичу.

Я неторопливо поднялся к себе. Только я вошёл в комнату, как оттуда неприметно, не поднимая глаз, выскользнули мой носильщик, отнёсший чемодан, и Алёнка. Сомнений в их благопристойном поведении у меня не закралось, а вот о полученных инструкциях подумалось: не докучать, угождать мне, ни в коем случае не ждать и того подавно – упаси, господи! – не *требовать* на чай. Вдогонку, правда, зароились мысли о неллицеприятных комментариях в мой адрес, а то, может, отпили чего из оставшегося на столике или плюнули в бутылку, а может, что-нибудь утащили, умыкнули. Если же парень ущипнул девчонку за мягкое место, то, мне представлялось, она непременно бросила бы на меня озорной взгляд... а раз этого взгляда не было, значит, никакого заигрывания тоже не было. Я так считал... Но оставим их.

Закрыв дверь и разложив чемодан, я намеревался разобрать шмотки: какие требуется повесить в шкаф, иные разложить по ящикам и полкам, выбрать одежду для вечернего выхода в свет, – и тогда уже принять душ. Но сперва, из стоявшего на столе графина с водой (такой же был на ночном столике), я налил полным большой стакан, и выпил всё до дна. Вода была холодной. Она хорошо очистила полость рта и вызвала сладковатый озонный привкус, а в голове просветлело, по телу стало разливаться тепло... и тихо невзначай окутало меня умиротворение... Возможно, что именно поэтому Обозько не предложил мне испить воды сразу. Хотя очень ею гордился. Он хотел, чтобы наша беседа состоялась при привычном для меня восприятии себя самого в окружающем пространстве. Для этого он и опаивал меня спиртным. Он знал наперёд, что, независимо от результатов беседы, меня можно расположить к нему и вернуть

к жизни очень простым способом: всего лишь угостив ключевой водой, в избытке имеющейся в его владениях.

Глава шестая

Приглаженным и напомаженным, облаченным в светленький льняной костюмчик, с распахнутым воротом рубахи, я бодро спустился в ресторан. Мне предстояло отведать кулинарных изысков местной кухни.

Метрдотель подозвал официанта, и тот без промедления проводил меня к зарезервированному столику – в уютный левый угол, подальше от главного входа. Я насчитал восемнадцать обеденных мест. Многовато. Столики были разделены перегородками, едва выше метра. Официант сообщил, что, так как я являюсь их постояльцем, мне положена скидка в двадцать процентов.

Что ж, я очень рад!

Идя к отведённому мне месту, я не мог не задержать взгляда на освещённом фонтане, и восхититься находчивостью и предприимчивостью Обозько. Так и хотелось остановиться, чтобы потрогать стекло цилиндра, фигурки ангелочков и переплетённые прозрачные трубки с бегущей в них водой, подставить под вытекающую струю ладони – омыть их и брызнуть холодными каплями на тёплое лицо... Но я был взрослым и был один, а потому я был чрезвычайно сдержанным: я легко удержался от детской потехи, от маленькой радости, от этого скромного удовольствия.

Я сел к стене. От задней двери, за которой виднелась часовня, меня отделяла невысокая перегородка, обтянутая бархатом. На передней двери, о чём я ранее умолчал, висела табличка с *не* перечёркнутой сигаретой и со стрелкой, указующей на улицу. На задней двери была точно такая же табличка, но стрелка на ней раздваивалась. Один из её сегментов указывал налево. Над ним мелкими буквами значилось: «Курилка». Так что, если кто желает курить, милости просим либо на крылечко, которого нет, либо в специальную, вполне удобную комнатку внутри заведения, но без окон.

На столе лежало чёрное меню с золотым теснением. Я раскрыл его и подивился оформлению: зелёные бумажные листы причудливо расцветчивались завитками и буквами, цифрами, символами, выполненными в старом стиле. Их было так много, и они были настолько непривычными, что я не сразу разобрал, на что следует обращать внимание – зарябило, замельтешило в глазах.

Я отметил немаловажный факт: раз мне положили меню, значит, не будет дармового угощения, которым меня могли либо обидеть, либо оскорбить, либо насторожить, заставив думать, что не всё ладно в датском королевстве, а может, и в доме Облонских, что у Толстого, а не у Шекспира, который Уильям, потому и хотят меня умаслить, задобрить или подкупить. Кто бы ни принимал подобное решение, он был прав. Если это инициатива Обозько, то он, и на самом деле, совсем не глупый малый.

Но червячок меня всё же грыз, потому что я не был обладателем таких денежных накоплений, при которых легко отказываются от безвозмездного угощения, а командировочных на всё не хватило бы, и оплачивать чеки, непомерно раздутые посещением ресторанов, при предъявлении их в бухгалтерию, никто не стал бы без моего нытья и прогиба.

«Но нужно ли мне дармовое угощение? Потом за него сдерут три шкуры. Спросят столько, что не будешь рад. Заработаешь заворот кишок и бессонные ночи с не одной пачкой выкуренных сигарет».

«Как же донимает эта двойственность сознания. Одна половина тянет вширь, другая – вдаль. Рвёшься, мечешься – нет твоей головушке и твоему сердечку покоя. И душа – туда же: ноет, разрывается, всё чего-то ищет, хочет, желает».

«Эк меня понесло. Надо о пузе думать, тогда всё станет проще. Давай-ка, дружок, прямо сейчас этим и займёмся».

Я занялся изучением меню.

Значилось: щи со свежей капустой, щи со щавелем или ревенём, уха, суп с вермишелью, крупой или с грибами; картофель круглый варёный, пюре, жареный; солянка простая (из свежей капусты) или с кусочками мяса, картофеля, шампиньонов и т.д.; оладьи (оладушки) мучные, кабачковые или творожные; различные каши с мёдом, вареньем, маслом, молоком, пустые; запеканки, как из каш, так и картофельные, пустые или с мясом, овощами, фруктами; окрошка; всевозможные салаты; холодец; пельмени; блины с мясом, икрой, творогом, фруктами, а также со сметаной; котлеты; курица; мясо и рыба в запечённом или жареном виде; копчения; вяленые и солёные рыбные лакомства; икра всевозможная, в том числе кабачковая; колбаса домашняя; пирожки, пироги, пирожные; яйцо варёное, глазунья, омлет; гренки; квашеные и солёные: капуста, огурцы, помидоры, яблоки; свежие овощи и зелень; свежие фрукты и ягоды; молоко, кефир, сметана; компот, кисель, квас, сбитень, морс, различные фруктово-ягодные и травяные или цветочные чаи; различное варенье; мёд; мороженое...

«Ну, что же... Bravo! Bravo Обозько. Весьма и весьма разнообразные угощения. И всё как будто по-домашнему, по-простому... Знакомая такая кухонька получается, знакомая».

Но! Не предлагалось всё и сразу. Кое-чего в данный момент не имелось или оно было не свежеприготовленным.

Подаваемые блюда отмечались ярким зелёным кружком, загнанным в полиэтиленовый кармашек напротив названия, рядом с ценой; то, что было просрочено (приготовлено вчера или позавчера, или поза-позавчера!) – жёлтым кружком в кармашке; а напротив того, чего не было – чёрный крестик в красном ободке. О том, что надо понимать под приведёнными обозначениями, можно было прочесть внизу каждой страницы. Такие дела.

Очень низкие цены. Даже удивительно.

Более того: на несвежее кушанье, за каждый просроченный день полагалась скидка 10%. Ешьте то, что было приготовлено три дня назад, и получите скидку в 30%! Ну, думается, что до 0% дело не доходило: либо отдавалось нуждающимся, либо просто вываливалось в помой, которые забирал расторопный хозяин ближайшей свинофермы. Вообще-то, щи, к примеру, могут храниться долго, и даже за это время настаиваются, отчего становятся вкуснее свежеприготовленных, так что – решайте сами.

Там, где значились щи, суп, уха, пельмени, каши, солянка и пироги с пирожками, отдельно внизу страницы уточнялось, что они бывают разными, и следует узнавать у официанта, что именно они представляют из себя сегодня, какой вид обрели, какими ингредиентами хотят похвастаться, изменившись по прихоти шеф-повара.

Что можно, то варьировалось, смешивалось, готовилось разными способами: от варки в кастрюле до жарки в гриле или микроволновой печи, томления, запекания в глиняных горшках.

Возглавляли парад гурмана Основные Блюда: пельмени и блины. Далее меню предлагало различные супы и щи – на Первое, – это главная еда всякого русского мужика да его бабы, ну и их детишек, которые все как есть мал мала меньше, так и снуют они под столом да под лавкой, вспрыгивая на печь! Затем наступала очередь того, что принято готовить на Второе: картошка, солянка, соленья, мясо, рыба. Продолжали длинную колонку свежие овощи и фрукты: сначала – их мешанина в виде салатов, а потом – всё порознь. И наконец глаз сладкоежки мог успокоиться, дождавшись следующей группы участников шествия – Десерты, с их пирожками, пирогами, пирожным, мороженым и даже с вареньем и мёдом. Замыкали список, обдавая теплом или холодом напитки, соки и простая вода «местного производства».

«М-мммм... хорошо, но... мало... мало... где Главное?»

«Удивительно, как это место может успешно существовать, если в нём нет ничего из спиртного? Только квас да морс! А морс содержит алкоголь?»

Я зашелестел листами, спеша к последним страницам.

«Не может этого быть. Священный напиток просто обязан быть! Я не верю табличке на барной стойке. Иначе, народ не поймёт. Он проклянёт!»

И я не ошибся. Всё же *это* было!

Вино.

Разное.

Специальные крепкие красные марочные вина и портвейны отечественного производства, французские розовые-белые-красные вина, итальянское и австралийское вино.

В отдельной, очень узенькой графе значились коньяки: всего лишь один крымский Коктебель. М-да-с.

Страницы со спиртным были измараны куда более мелким шрифтом – это говорило о том, что в данном заведении не приветствуется гурманство, основанное на принятии градусосодержащих жидкостей, пусть и благородных марок от достопочтенных и уважаемых вельмож-производителей.

И тут до меня дошло, что табличка с перечёркнутой бутылкой относилась только к барной стойке: нельзя заказать спиртное там, где вроде бы, казалось, и должно оно разливаться! Нельзя пить в заведении нигде, кроме обеденного стола в ресторанном зале. Вот как! Да и то, только такой благородный напиток, как вино. А единственный сорт коньяка – это для приличия. Хотя последний пункт, думаю, с лёгкостью не соблюдался, когда заходили важные люди.

Не могу, конечно, не упомянуть об информации, вынесенной на верх каждой страницы, даже в разделе с алкоголем, о целительной, очищающей организм от всего, что только можно вообразить, ключевой воде, которая стояла в графинах на каждом столе. При необходимости, если она закончится, можно было подойти к фонтану и набрать её столько, сколько хочется или тебе её принесут. Но если она окажется для вас слишком холодной, испросите заблаговременно набранной. Подавалась она бесплатно. А вот выносить бутылками и канистрами не разрешалось – это за плату. «1,5, 2, 5, 10, 20-ти литровые ёмкости можно купить у нас! Пейте на здоровье!» Упоминалось, что всё, что готовится на кухне, готовится исключительно на этой воде, что отовсюду, откуда течёт вода в здании, течёт именно эта ключевая вода. Пользуйтесь, не стесняйтесь! Пейте прямо из-под крана.

Также призывалось воспользоваться бассейнами и парильнями на первом этаже, отдельными для мужчин и женщин, а также хорошо обставленными комнатами на втором этаже – от 600 до 1400 рублей за сутки, 350 рублей – простая комната на 8 часов. Имелось несколько двухместных номеров разной категории фешенебельности. Для проживающих предусматривалась скидка на питание в ресторане, на бар, на совмещённую с бассейном парную и прочее – 20%! Рабочие часы этих дополнительных услуг: с семи утра до часу ночи. Заявки на банкеты, вечеринки, свадьбы, дни рождения – не принимаются, так как «у нас не приветствуются шум и суета, но вы можете прийти к нам по торжественному поводу, и мы с удовольствием одарим вас тихим, умиротворяющим журчанием чистой, прохладной ключевой водицы». Однако, – не правда ли? Здоровенного же дохода лишает себя Обозько из-за этой избранной оздоровительной позиции!

В субботу и воскресенье – «Семейные дни», смешанные. Тогда в купальни, каждая с небольшим бассейном и парной, пускают всех, без разбора кто – женщина, а кто – мужчина. Все в купальниках и плавках, конечно. Никакого разгула неприличия! С 10.00 до 19.00 часов. А с 20.00 до 01.00 – всё как в будни.

Моя бодрость постепенно улетучивалась. В голове скапливалось напряжение. В груди появилась тяжесть. Я всегда не любил делать выбор. Особенно меня утомляет *изобилие* выбора. Полным-полно его повсюду. Полным-полно...

Подошёл официант и, видя мою растерянность, сказал:

– Если позволите, я осмелюсь сказать, что на сей счёт я имею указания от Павла Константиновича. Мне велено, в случаи Вашей растерянности или неудачного сочетания блюд в сделанном выборе, предложить обслужить Вас на наше усмотрение.

Я смотрел на него с благодарностью и со смятением.

Он, видя, что я не даю ответа, добавил:

– Не беспокойтесь, сумма будет умеренной, вы не окажетесь в неловком положении. – И слегка поклонился.

М-да, что тут скажешь? Одно ясно: меня не собираются угощать за счёт заведения, по этому поводу я могу не беспокоиться.

Я закрыл и отложил меню, ответил:

– Хорошо. Я с радостью на Вас полагаюсь.

Он ещё раз немного наклонился, обозначая смирение или почтение – как знать! – и тихо удалился.

Я позволил себе расслабиться: расправив полы пиджака, я облокотился на спинку дивана. Я наконец-то мог оглядеться и оценить не только обстановку, но и то, как за время моего отсутствия изменились жители родного мне города.

Зал заполнялся.

Глава седьмая

Милостивая полная мамаша вот уже целую вечность не могла оторвать Риту от весело блестящего фонтана. Она уговаривала её по-всякому – не поддавалась Рита. Мать не хотела тревожить тишину здания криками и слезами дочери, потому не прибегала к силе. Другие два её ребёнка с самоотречением поедали розовые шарики мороженого, украшенные на маковке сочными ягодами клубники. Они шустро орудовали маленькими серебряными ложечками и громко чмокали, растапливая во рту кислотовато-сладкий сливочный холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.